

Александр Маточкин

Индивидуальные особенности квантитативности песенного стиха печорских сказителей

В стиховедческих работах по фольклорному (русскому народному) стиху последний рассматривается в рамках тонической [Гаспаров 1978] или стопной [Бейли 2001] теорий, предстает равноакцентным, хореическим и т.д. Однако эти разработки относятся не к самому стиху фольклора, а к стиху его печатных публикаций. Если же говорить о фольклорном стихе как таковом, то это стих, существующий не в графической, а в устной — зачастую песенной — форме. При наблюдении над этой формой, т.е. при анализе звукозаписей фольклора, появляется возможность говорить о такой черте народного стиха, как равнодолготность. Долготное равенство стихов достигается посредством квантитативности, т.е. количественного различения слогов.

В истории исследования фольклорного стиха уже делались попытки учитывать его песенную, вокальную природу. Эти разработки рассматриваются в рамках «музыкальной» теории, которая считается одной из основных теорий русского народного стиха (наряду со «стопной» и «чистотонической») [Штокмар 1952: 78–103; Гаспаров 1978: 8]. «Музыкальная» теория «рассматривает русский стих как равнодолготный: мерой стиха является напев, под который подводятся все слоги текста» [Гаспаров 1978: 8]. Эти

Александр Александрович Маточкин
Санкт-Петербургский
государственный университет
amatochkin@yandex.ru

идеи были высказаны в исследованиях Ф.Е. Корша [Корш 1896: 1–8] и Н.С. Трубецкого [Трубецкой 1987б: 371–372], а также в соответствующих статьях словаря А.П. Квятковского¹ [Квятковский 1966].

«Музыкальную» теорию критиковали за то, что она «очень мало считалась с фактами реальных (зафиксированных) напевов» [Гаспаров 1978: 8–9; 1997а: 280]. В частности, это касается Корша, утверждавшего, что «плясовой стих лежит в основе стиха эпического» [Корш 1896: 8]. То, что концепция Корша была умозрительной и расходилась с реальными фактами фольклора, убедительно доказывает М.П. Штокмар [Штокмар 1952: 81–97]. Трубецкой также указывал, что «ритм былинных музыкальных фраз не имеет ничего общего с тем ритмом, который а priori сконструировал Ф.Е. Корш» [Трубецкой 1987а: 352; 1987б: 371]. Трубецкой, однако, поддерживает мысль о том, что в народном русском стихосложении «играют роль <...> и количественные различия (долгота и краткость)» [Трубецкой 1987б: 371].

К сожалению, эта идея Корша-Трубецкого не нашла развития в последующих стиховедческих изысканиях. Между тем направление, заданное «музыкальной» теорией, как кажется, позволяет наиболее адекватно анализировать звучащие фольклорные тексты. А именно к анализу этих текстов побуждают нас давно зарекомендовавшие себя в фольклористике «антропологические» настроения, когда исследовательский интерес направлен не столько на фольклорный текст с его свойствами, сколько на человека с его навыками порождения этого текста [Лорд 1994; Путилов 1998]. Работая с народными стихами в том виде, в котором они явлены в традиции (а это чаще всего пение), невольно соглашаешься с утверждением Трубецкого, что к русскому народному стихосложению «нельзя подходить с теми метрическими понятиями, с которыми мы привыкли оперировать в “искусственной” поэзии» [Трубецкой 1987б: 371].

Актуализация «музыкальной» теории не означает отмены двух других теорий. Речь здесь может идти о разных углах зрения на один и тот же объект. Кроме того, можно говорить и о разных объектах исследования. Печатные публикации фольклора являются фактами письменной литературы, представляя собой своеобразного двойника собственно народной поэзии, бытующей (или бытовавшей), повторюсь, по преимуществу в устном и чаще всего в песенном виде. Весьма существенным в этой

¹ Заметим, что Квятковский распространял принцип изохронности и на литературный стих. Данное же исследование ограничивается рамками фольклорного песенного стиха.

связи видится замечание М.Л. Гаспарова о том, что он разбирал «не ритмику фольклорного стиха как такового, а только ритмику его записей XIX в.» [Гаспаров 1997б: 131].

Если объектом исследований фольклорного стиха становятся звукозаписи, это естественно требует новых приемов описания и анализа. В частности, встает задача исследования квантитативности. Для определения последней нам нужно ввести понятие сегмента. Сегмент — это фрагмент напева, занятый одним слогом более чем в 75 % стихов данного произведения. Так, если линию напева, одинаковую для всех стихов, поделить на сегменты из расчета «один сегмент — один слог», то в некоторых стихах отдельные сегменты могут вместо нормативного одного слога вмещать в себя два. В некоторых стихах сегменты могут вмещать только половину слога, когда один слог занимает сразу два сегмента. Отношения между слогами, занимающими половину сегмента, целый сегмент или два сегмента, описываются в терминах долготы / краткости, т.е. квантитативности. Ср. у Трубецкого: «Слог, совпадающий с морой, мы называем кратким, а слог, покрывающий собой целый димор [т.е. две моры. — А.М.], мы называем долгим» [Трубецкой 1987б: 372].

Такое пропевание / произнесение двух слогов за время одного не раз отмечалось теми, кто воспринимал фольклорные тексты вживую. Возьмем, к примеру, описание «обыкновенного эпического размера» у А.Ф. Гильфердинга: «Большинство наших сказителей позволяют себе в хореическом стихе две вольности, которые, впрочем, мало заметны при пении былины: именно <...> в середине [стиха. — А.М.] иногда вместо хоря употребляют дактиль; но как при этом два краткие слога сливаются в произношении, то хореический каданс от того не теряется» [Гильфердинг 1873: XXXVI].

Иногда собиратели и исследователи обозначают долготные различия слогов графически. Так, А.Д. Григорьев пользуется дужкой над двумя слогами, которая «указывает на то, что эти два слога были пропеты короче других, за один» [Григорьев 1904: 375]; Трубецкой над долгими слогами ставит черту [Трубецкой 1987б: 374].

Еще А.Х. Востоков говорил о неразличении в обыденной русской речи долготы и краткости [Востоков 1817: 97, 98]. Однако при описании художественной формы песенного стиха различие слогов по количественному признаку представляется весьма уместным, поскольку — как будет показано ниже при сравнении квантитативности трех печорских сказителей — умение уравнивать по долготе разносложные строки является неотъемлемой чертой песенно-поэтической техники сказителя.

Для исследования количественности будем применять *табличный анализ*, который состоит в следующем¹. Каждому стиху песенного текста соответствует строка таблицы, ячейки которой заняты слогами этого стиха. Сколько слогов в стихе песни, столько ячеек в соответствующей строке таблицы. Причем изначально учитываются и «музыкальные» слоги: огласовки (вставка гласного после согласного), распевы (вставка гласного после гласного) — и паузы². Обратимся к примеру (см. табл. 1).

Таблица 1

Пример табличной передачи песенного стиха

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10		11		12				
20	не	ту	ман	ви	дит	в по	ле	ко	лы	ы	ба	а	а	йи	эт	сэ	/	16
21	ви	дит	ез	дит	бо	га	тырь	за	ба	вь	ля	а	а	йи	/	тсэ		15
22	он	кверь	ху	то	стре	э	лоч	ку	по	о	стре	/	ли	э	ват			14
23	на	сы	ру	зем	лю	стрел	ку	не	у	у	ра	/	ни	э	ват			14
24	на	ле	ту	е	ту	стре	лоч	ку	по	от	хва	/	ты	э	ват			14
25	на	од	ном	то	ко	ле	ни	дёр	жит	че	рь	не	ль	не	чь	ку	/	16

20	0,2	0,3	0,35	0,5	0,6	0,38	0,57	0,4	0,3	0,2	0,61	0,1	0,2	0,6	0,4	0,5	0,56	6,56
21	0,2	0,3	0,37	0,5	0,6	0,4	0,55	0,5	0,3	0,2	0,57	0,2	0,1	0,5	0,6	0,77		6,31
22		0,43	0,45	0,4	0,5	0,44	0,1	0,54	0,4	0,4	0,1	0,51	0,52	0,5	0,4	0,76		6,44
23	0,3	0,3	0,34	0,4	0,4	0,52	0,52	0,4	0,3	0,2	0,48	0,47	0,5	0,3	0,76			6,27
24	0,4	0,2	0,47	0,5	0,5	0,54	0,48	0,4	0,3	0,1	0,48	0,67	0,4	0,4	0,8			6,57
25	0,2	0,2	0,45	0,4	0,5	0,4	0,2	0,2	0,4	0,4	0,2	0,4	0,48	0,5	0,5	0,5	0,57	6,33

В табл. 1 даны стихи 20–25 былины «Илья Муромец и Сокольник» Е.П. Чупрова [Былины Печоры 2001: 380]³. В нижней части таблицы даются абсолютные физические долготы (в секундах) соответствующих слогов, а в последнем столбце нижней части — целых стихов⁴. Таблица показывает, что стихи одной старины песенного типа *примерно* равны по занимаемому ими физическому времени (в среднем 6,41 сек.⁵). Такой разброс

¹ Данный прием разработан автором статьи. Похожий способ анализа представлен у М.А. Лобанова [Лобанов 2007: 28, 29].

² При проведении дальнейших измерений эти слоги могут не учитываться, но их длительность включается в «основной» слог.

³ Звук: Грампластинка Д–025677, № 1.

⁴ Цифры получены с помощью программы GoldWave.

⁵ Если общую длительность 187 стихов былины Чупрова (19,8 мин.) разделить на количество стихов, то получим 6,11 сек. Разница с тем результатом, который мы имеем для стихов 20–25 (6,41 сек.), объясняется тем, что Чупров в процессе пения незначительно убыстряет темп, так что к концу былины его стихи длятся уже 6 сек. и менее.

долгот — 6,27 сек. в стихе 23 и 6,57 сек. в стихе 24 — не является, на мой взгляд, существенным. Налицо явное стремление сказителя соблюсти, насколько это физически возможно, определенную долготную меру стиха, почему мы и говорим о равнодолготности последнего. Количество слогов в стихах (без учета «музыкальных») показано в последнем столбце верхней части таблицы — оно, как видим, неодинаково. Таблица отражает, как соотносятся по долготе слоги разных стихов: столбцы 1 и 2 могут заполняться двумя краткими слогами или одним долгим (как в стихе 22); столбец 7 может заполняться одним долгим слогом или двумя краткими (как в стихе 25) и т.д.

И Корш, и Трубецкой оперировали долготой абсолютной. Такой подход уместен в случае плясового и частушечного стиха. Но часто, как, например, в данном случае с былинным стихом, уместно говорить о *долготе относительной*, при которой сегменты могут различаться по физическому времени, а слоги соотносятся как долгие / краткие только в рамках того или иного сегмента. О различении долгих и кратких слогов в отдельно взятой поэтической строке, как в античной метрике или нотной записи, речь в таком случае не идет. Это только вертикальная квантитативность. Относительная долгота измеряется не долями, но сегментами, выделяемыми на основе главного слогового варианта стиха.

Замечу, что слоги в столбцах, всегда занятых одним слогом (например, в столбце 4 табл. 1), не будут в предлагаемой терминологии ни долгими, ни краткими, поскольку они не соотносятся ни с двумя слогами, ни с половиной слога какого-нибудь другого стиха этого же текста. Относительный характер долготы в нашем понимании выражается в том, что один и тот же слог может быть долгим и кратким одновременно. Если, например, в трех смежных стихах слоги относительно друг друга расположены так, как показано ниже, то слог 2 будет кратким относительно слога 1 и одновременно долгим относительно слогов 4 и 5.

1		
2	3	
4	5	6

Табличный метод представления поющего текста позволяет в доступной форме увидеть временное равенство стихов, а также то, за счет чего это равенство достигается (вставки огласовок, распевов, растягивание и укорачивание слогов). Среди других методов отражения на письме реалий песенной речи

[Трубецкой 1987б; Корш 1896] (особенно здесь сильна фонетическая запись [Богданова, Игнаткина 1995; Овчаренко, Скредлин 1995] и, конечно, нотная) табличный метод выделяется наглядностью и простотой.

Дальнейший разговор о квантитативности народного стиха пойдет на примере трех печорских старин — «Илья Муромец и Сокольник» Е.П. Чупрова (187 стихов), «Добрыня и Алеша» В.И. Лагеева (285 стихов) и «Дюк Степанович» В.Г. Вóкуева (253 стиха) [Былины Печоры 2001: 379–384, 372–378, 389–396]¹. Каждый из этих сказителей слагает свои стихи на свой напев. Напев един для всех строк, что обеспечивает их равнодолготность. Напевы индивидуальны, но все они (и, соответственно, стих каждого сказителя), с определенными оговорками, которые будут сделаны ниже, делятся на 12 сегментов. Напомню, что сегмент — это фрагмент напева, занятый одним слогом более чем в 75 % стихов данного произведения. Столбцы табл. 2 и обозначают эти 12 сегментов (1, 2, 3 и т.д.), а также затакт (0). В поделенном таким образом песенном стихе старин было рассмотрено, как тот или иной сегмент заполняется: половиной слога (0,5), одним слогом (1), двумя (2), более чем двумя (>2) или не заполняется (0)². Строки таблицы обозначают эти пять типов заполнения сегмента.

Далее было подсчитано процентное соотношение этих типов заполнения сегмента. Ячейки таблицы указывают количество стихов (в процентах от общего числа стихов старины), в которых соответствующий сегмент заполнен соответствующим типом (одним, двумя слогами и т.д.).

Рассмотрим верхнюю часть таблицы, отведенную для стиха Чупрова. Нулевой сегмент (затакт) в 98 % стихов не заполнен, в 1 % стихов заполнен одним слогом. Первый сегмент в 87 % стихов заполнен одним слогом, а в 13 % стихов заполнен половиной слога. Такие же данные для второго сегмента (ведь в 13 % стихов сегменты 1 и 2 покрыты одним и тем же слогом). Третий сегмент в 78 % стихов занят одним слогом, в 21 % — двумя, и в 1 % стихов этот сегмент занят более чем двумя слогами. Четвертый сегмент во всех стихах Чупрова занят одним слогом. И так далее.

Помимо равнодолготности таблица отчасти отражает и специфическую песенную акцентность. Отмеченные заливкой

¹ Все три старины были записаны 15 октября 1965 г. в Москве на ВСГ «Мелодия»: грампластинки соответственно — Д-025677, № 1; Д-024791–024792, № 1; Д-025678, № 1 [Былины Печоры 2001: 526–527].

² Отметим, что в данном описании мы опускаем слоги-распевы и слоги-огласовки, длительность которых прибавляется к тому «основному» слогу, к которому эти «музыкальные» слоги относятся.

Таблица 2

**Процентное соотношение типов
слогового заполнения сегментов у печорских сказителей**

сегменты кол-во	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Чупров — 187 стихов													
0	98	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
0,5	0	13	13	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
1	1	87	87	78	100	98	100	85	99	99	96	94	100
2	0	0	0	21	0	2	0	14	0	1	4	5	0
>2	0	0	0	1	0	0	0	1	1	0	0	1	0
Лагеев — 285 стихов													
0	98	8	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
0,5	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0
1	1	91	84	44	99	78	94	64	98	85	100	100	100
2	0	1	16	52	0	20	5	33	2	13	0	0	0
>2	0	0	0	4	0	1	1	3	0	2	0	0	0
Вокуев — 253 стиха													
0	96	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
0,5	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
1	4	100	91	79	100	97	100	93	99	92	100	99	100
2	0	0	9	20	0	3	0	6	0	3	0	1	0
>2	0	0	0	1	0	0	0	1	0	5	0	0	0

сегменты ощущаются выделенными (акцентными). Заметим, что такая выделенность слогов песни отлична от *ударности* слогов непесенной речи.

Рассуждая о равнодолготности фольклорного стиха, обратимся к такой фольклорной универсалии, как вариативность. Основной (более 75 %) вариант слогового наполнения каждого сегмента, согласно данному определению, это один слог. Другие варианты при таком описании являются дополнительными. Вариативность заполнения сегментов отражается на колебании слогового объема стихов. 11-сложный стих возникает за счет того, что в некотором месте стиха один слог занимает сразу два сегмента; 13-сложный объем стиха означает, что в каком-то сегменте вместо одного слога произносится два¹. За счет

¹ В терминологии Трубецкого такой сегмент именовался бы «распущенным» [Трубецкой 1987б: 372].

такого количественного соотношения слогов внутри сегментов вариации слогового объема стиха не нарушают его 12-сегментной схемы.

Приведем примеры различных вариантов стиха из старины Чупрова (места текста, в которых происходит слоговая вариативность, выделены курсивом): 12-сложный (основной) вариант стиха (один сегмент равен одному слогу): «Да не сёрóй-от во́лк тут не́ проры́сківа́л» (стих 7); 11-сложный вариант (на 1-й и 2-й сегменты приходится один слог): «Та́м жи́лі на за́ставі бога́тырі́» (стих 3); 13-сложный вариант (3-й сегмент занят двумя слогами): «Ка́раву́лли-храни́ли сто́льнёй Ки́ев-гра́д» (стих 4); 14-сложный вариант (7-й и 11-й сегменты заняты двумя слогами): «Не́ далёко́ от Ки́ева — за́ двена́дцеть-то ве́рст» (стих 2). Соответственно, если три и четыре сегмента будут вместо одного слога заняты двумя, то получится 15- и 16-сложник. Редкий пример 16-сложного варианта (двумя слогами заняты 3-й, 7-й, 10-й и 11-й сегменты): «Ка́бы Ми́шки То́ропа́нишку ця́шки-ло́жки ёму́ мы́ть» (стих 48).

Интересным представляется анализ процентного соотношения разных типов стихов в той или иной старине. Так, в старине Г.В. Вокуева «Дюк Степанович» 59 % стихов представляют собой 12-сложный (основной) вариант (один сегмент равен одному слогу): «Ка́к во то́й-де́ во Ни́жной Ма́лой Га́лицы́» (стих 1); в 19 % стихов 3-й сегмент занят двумя слогами (13-сложник): «Ка́к ы́ще то́го скорé да о́н преста́вилсэ́» (стих 4); 4 % стихов — также 13-сложный вариант, но двумя слогами занят уже 7-й сегмент: «По́смотрéть мнэ́ там злы́х полені́ц уда́лы́х» (стих 18). Остальные варианты (всего 30) встречаются в одном-двух стихах.

На основе приведенной табл. 2 произведем сравнительный анализ стиха всех трех сказителей по признаку заполнения сегментов. Стих трех старин выказывает значительное сходство, что, возможно, объясняется жанровым и территориальным единством текстов. В сегментах 4, 6, 8, 10, 11 и 12 односложие почти не нарушается. В тех сегментах, где вместо одного слога сказитель вставляет два, также наблюдается сходство. Наиболее часто «ропуску» подвергается сегмент 3 (у Лагеева — в 52, у Чупрова — в 21, у Вокуева — в 20 % стихов). В этом месте сталкиваются акцентные сегменты (3-й и 4-й); вставка здесь слога устраняет это столкновение. Также сравнительно часто «распущены» сегменты 7-й (у Лагеева — в 33, у Чупрова — в 14, у Вокуева — в 6 % стихов) и 5-й (у Лагеева — в 20, у Чупрова — в 2, у Вокуева — в 3 % стихов). У Лагеева и Вокуева также двусложными бывают 2-й и 9-й сегменты (у Лагеева — в 16 и 13 % стихов, у Вокуева — в 9 и 3 %). Заметим, что проценты всегда

больше у Лагеева; таким образом, его стих более многосложен, более громоздок, чаще всего отходит от 12-сложника.

Здесь следует сделать существенное замечание. Вариант, который достигает или превышает 25-процентный порог, надо считать *структурным* вариантом и отличать от варианта, который не достигает этого порога. В наших примерах структурными вариантами будут одно- и двусложное заполнение 3-го и 7-го сегментов в стихе Лагеева. В случае Чупрова и Вокуева мы можем говорить о 12-сегментной структуре, поскольку все 12 сегментов у этих сказителей более чем в 75 % стихов заняты одним слогом; все другие типы заполнения сегментов будут описываться как отступления от этого основного варианта. Особенность же лагеевского стиха в том, что в случае 3-го и 7-го сегментов таких основных вариантов два, так что сама структура стиха становится 12–14-сегментной. В данной статье 12-сегментная сетка для стиха Лагеева была выбрана лишь для удобства сравнения со стихом двух других сказителей.

Итак, и по своей структуре, и по вариативности стих Лагеева отличается в сторону большего количества слогов. Заметим, что и напев Лагеева гораздо протяжнее, чем у Чупрова и Вокуева. В физическом времени стих Лагеева в среднем занимает 10,31 сек. (его 285 стихов длятся 48 мин. 57 сек.), в то время как стих Вокуева в среднем занимает 6,43 сек. (его 253 стиха длятся 27 мин. 8 сек.), а стих Чупрова в среднем занимает 6,14 сек. (его 187,5 стихов длятся 19 мин. 12 сек.).

Самым ярким отличием стиха Лагеева является двусложное заполнение третьего сегмента более чем в половине стихов, так что между третьим и четвертым акцентированными сегментами вставляется еще один неакцентированный, и тогда вся структура стиха становится 13-сегментной. Однако заметим, что это отличие стиха Лагеева лишь количественное, ибо двусложное заполнение третьего сегмента нередко встречается и у Чупрова с Вокуевым (в 21 и 20 % стихов соответственно).

В свою очередь, стих Чупрова имеет несколько качественных отличий, что может быть объяснено тем, что этот певец представляет близкую, но все же отдельную локальную традицию: в то время как Лагеев и Вокуев — из Усть-Цильмы, Чупров — родом с Пижмы. Усть-цилемская и пижемская традиции, несмотря на родство и соседство, имеют свои отличия, которые можно наблюдать даже в наши дни, правда уже на материале лирики, а не эпоса.

К качественным отличиям стиха Чупрова относится то, что 1-й и 2-й сегменты, короткие по физическому времени, довольно

часто (в 13 % стихов) покрыты одним слогом. Подобное не встречается в стихе усть-цилемских сказителей. 10-й и 11-й сегменты у Чупрова, напротив, растянуты в физическом времени, так что 11-й сегмент ощущается не менее выделенным, чем 10-й и 12-й. Такая особенность стиха позволяет Чупрову в ряде случаев (в 4 и 5 % стихов) вставлять в 10-м и 11-м сегментах два слога вместо обычного одного, что опять же не делают Лагеев и Вокуев.

Надо сказать, что для удобства восприятия таблицу пришлось в ряде мест упростить. Например, это относится к тем случаям, когда сегмент занят более чем двумя слогами. Дело в том, что, вставляя слоги, превышающие тот слоговой объем, который диктует сегментная структура стиха, сказитель может идти двумя путями. Первый — произносить эти слоги быстрее обычного, втискивая в сегмент вместо стандартного одного два, три и даже четыре слога, так что слог будет занимать половину, треть или четверть сегмента. Помимо такого дробления структуры стиха есть и принципиально другой путь — расширение структуры стиха за счет вставки неструктурных дополнительных сегментов: обычное течение стиха в определенном месте как бы прерывается, вставляется нужное количество слогов, а потом продолжается прерванное. При дроблении структуры стиха его физическое время остается неизменным¹, при расширении — увеличивается. Так, Чупров пользуется первым способом, соблюдая равное время стихов и произнося слоги быстрее обычного. Вокуев, напротив, склонен в некоторых случаях (например, после 9-го сегмента) расширить стих вставкой дополнительных сегментов. Такие вставки сегментов не нашли отражения в настоящей таблице, а вставленные слоги считались относящимися к предыдущему сегменту.

Итак, предлагаемый в статье анализ квантитативности стиха печорских сказителей, на наш взгляд, весьма убедительно показывает уместность применения принципов «музыкальной» теории при изучении устного песенного стихосложения. Интересно было бы предлагаемый в статье подход применить при исследовании иных — в жанровом и локальном плане — песенно-поэтических фольклорных практик, благо имеющиеся объемы аудиозаписей фольклора позволяют это сделать.

¹ О незначительном колебании физической протяженности стихов уже говорилось выше. Повторимся, что такие микроколебания в доли секунд не являются существенными при определении стиха печорских сказителей как равнодолготного.

Библиография

- Бейли Дж.* Былинные размеры Т.Г. Рябилина в записи А.Ф. Гильфердинга // Бейли Дж. Избранные статьи по русскому народному стиху. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 227–271.
- Богданова Я.В., Игнаткина Л.В.* Опыт фонетического описания звукозаписей печорских былин // Эпические традиции: Материалы и исследования (Русский фольклор. Т. 28) / Отв. ред. Т.А. Новичкова. СПб.: Наука, 1995. С. 244–257.
- Былины Печоры. СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. (Свод русского фольклора. Т. 2).
- Востоков А.Х.* Опыт о русском стихосложении. СПб.: Морская тип., 1817.
- Гаспаров М.Л.* Русский былинный стих // Исследования по теории стиха. Л.: Наука, 1978. С. 3–47.
- Гаспаров М.Л.* К географии частушечного ритма // Гаспаров М.Л. Избранные труды: В 3 т. М.: Языки русской культуры, 1997а. Т. 3: О стихе. С. 279–289.
- Гаспаров М.Л.* Русский народный стих в литературных имитациях // Гаспаров М.Л. Избранные труды: В 3 т. М.: Языки русской культуры, 1997б. Т. 3: О стихе. С. 54–131.
- [*Гильфердинг 1873*] Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1873. (Глава «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды»).
- [*Григорьев 1904*] Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. М.: Университетская тип., 1904. Т. 1.
- Квятковский А.П.* Поэтический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1966.
- Корш Ф.Е.* О русском народном стихосложении: 1. Былины // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1896. Т. 1. Кн. 1. С. 1–45.
- Лобанов М.А.* Стих былины. Метрика — Семантика — Генезис. СПб.: РИИИ, 2007.
- Лорд А.* Сказитель. М.: Восточная литература РАН, 1994.
- Овчаренко Е.Б., Скрелин П.А.* Акцентно-мелодическая структура и вокализм былинного стиха // Эпические традиции: Материалы и исследования (Русский фольклор. Т. 28) / Отв. ред. Т.А. Новичкова. СПб.: Наука, 1995. С. 238–243.
- Путилов Б.Н.* Эпическое сказительство. М.: Восточная литература РАН, 1998.
- Трубецкой Н.С.* К вопросу о стихе русской былины // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987а. С. 352–358.
- Трубецкой Н.С.* О метрике частушки // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987б. С. 371–390.
- Штокмар М.П.* Исследования в области русского народного стихосложения. М.: АН СССР, 1952.